

РУКОПИСИ
НЕ ГОРЯТ

Плата за молчание

На четверть века опоздала к читателю повесть
Георгия Владимова
«Верный Руслан» («Знамя» № 2, 1989 г.).

Кто подсчитывает потери от этого опоздания? Да и в чем их выразить?

Готовый сценарий о судьбе талантливого художника — «жертве застоя»: с первых же книг — почти классик советской литературы. Потом — конфликт с властями, критические письма и заявления, молчание на Родине и публикация произведений на Западе. Слежки, обыски, угроза тюрьмы, вынужденный отъезд за границу. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1983 г. лишает Г. Н. Владимова советского гражданства. С той поры он живет в небольшом западногерманском городишке Нидерхаузене. Вроде бы все сказано — и в то же время ничего.

Боюсь: Владимов торжественно зарегистрируем в списках пострадавших от застоя, книги его аккуратно поставим на полку «библиотечки перестройки» и на том успокоимся. Куда как просто было в недавнюю пору прослыть революционером: выкрики прилюдно «Бродский!» или «Солженицын!» — уже ты герой. Не суть важно — читал ли ты их. Времена изменились, но каждое литературное возвращение мы приветствуем по-пионерски, без запинки: «трагическая судьба», «сумел сохранить идеалы» и т. д. и т. п. Не худо вот в чем разобраться: у кого судьба трагичнее — у писателя или у нас, живших без его книг? Увы, вопрос не только в отношении Владимова правомыслен...

Владимов в недавнем интервью заметил: «Я не нахожу особой разницы между произведениями, создаваемыми в метрополии и за

пределами ее. Разнятся лишь прижизненные судьбы авторов и судьбы их книг. Но подозреваю: школьнику XXI века будет трудно усвоить это различие и вспомнить о нем, отвечая на экзамене». И то верно — меня, школьника семидесятых текущего столетия, мало волновал вопрос, на чьи деньги издавал в Лондоне свой «Колокол» Александр Герцен и почему Иван Тургенев треть жизни провел во Франции.

Книжки-то их все равно читаем, ценим.

А теперь предположим, что на основании каких-нибудь политических соображений вычеркнули бы из нашей истории Онегина, Печорина, Карамазовых, Рудина, ну и еще два десятка литературных героев (их не так уж и много)! Что останется от России? Супостаты да бунтари. А все прочие, кто строил, сеял, любил, рожал — короче, населял шестую часть земли и вел неприметную для глаза историка жизнь, — кто их помянет? Так и гнить им в братской могиле под надгробием, на котором выбито: «Массы»! Ведь, кроме как писателю, никому более поведать, что все они были разные, непохожие, со своими именами и судьбами. Писатель — голос рядового человека, его адвокат, историк, его бессмертие. Пусть бессмертие под псевдонимом — Базаров там или дядя Ваня.

А все мы — немножко прототипы и хотим видеть себя увековеченными при жизни. Но тщетно. Сразу после изгнания из страны Владимов пустил на вторсырье его книги, изъятые из библиотек. Выходит, не только писателя выпихнули из страны! Выброшенными оказались и его герои — шоферы из повести «Большая руда», матросы-рыбаки из романа «Три минуты молчания», солдаты вместе с генералом из романа «Генерал и его армия», сотни других персонажей. А прототипы, чья жизнь, как донорская кровь, перетекала в жилы вымышленных действующих лиц, — они остались. Но безъязыкие, бесправные,

смертные. Им места на родной земле тоже не нашлось, их тоже сослали — в пресловутые «массы».

Ну да, конечно, я сгущаю краски. Конечно, без нескольких писателей стрелка часов не застынет. Но что Родина без мысли, без слова, без души? Территория, ограниченная погранзаборами... Вот почему реабилитация писателя — полдела. Реабилитация героев нужна! Ведь именно их так панически испугались, потому что они намного привлекательнее, сильнее, нежели безгрешный «человек будущего», выращенный в идеологических колбах. Биологи давно додумались, как можно уничтожить целый вид вредных насекомых — надо произвести «стерилизацию» самцов, то есть лишить их возможности иметь потомство. В атмосфере всеобщей стерилизации застойных лет владимовские герои ухитрились избежать этой процедуры — сохранили личность, самостоятельность, свободолюбие.

Есть писатели, заставляющие читателя стоять по стойке смирно и выслушивать моральные проповеди, подражавшие на правифлангового «положительного героя». Владимов — не из таких. Он уважает людей, о которых пишет. Не берется подгонять их поступки под свои представления о жизни и досконально знает дело, которым они занимаются. Войдя в книги Владимова, кто-то с восторгом, кто-то, зажимая нос, скажет: «Здесь русским духом пахнет». Да, изрядно потягивает солянойкой и мазутом, станционным буфетом и испарением чернозема. Но и сам Владимов среди своих героев — не журналист с блокнотиком, сигающий в тужиках по кочкам. Он из той же породы, и трудно не поддаться искусу отождествления его с персонажами — с шоферами, бичами.

Писатель Леонид Жуховицкий вспоминает: «Лицо и вид — мастерового, он легко входил в рабочую среду. Много ездил с шоферами на грузовиках, плавал на сейнере — для Владимова все это

было органично. Помню, я купил машину и что-то в моторе забарахлило. Жора говорит — подними капот, посмотрим. Я спрашиваю — как? Он на меня посмотрел с изумлением: ездить на машине и не знать, как она устроена?! Он в технике разбирается прекрасно — одна из комнат его небольшой двухкомнатной квартиры в Москве была завалена какими-то деталями и напоминала скорее мастерскую, чем писательский кабинет. В фильме по «Большой руде» был эпизод, в котором самосвал с главным героем падает в пропасть. На съемках Владимов непременно хотел сидеть в кабине как статист — чтобы знать точно, о чем думал, погибая, его герой. Насилу

отговорили! Герои Владимова — натуры цельные, как и сам он. В быту черта не очень удобная, ведь жизнь состоит из маленьких компромиссов, но Жора этого не признавал. Для него естественно не лгать, не лстить начальству, не предавать друзей. Этим объясняются многие его поступки — когда на наших глазах начали преследовать писателей, затыкать им рот, привлекать к суду, ситуация вынуждала реагировать. Владимов написал несколько резких писем, в которых доказывал, что советская литература не может развиваться без полной и безграничной свободы творчества. Столкновения с властью были неизбежны.